

МАРГИНАЛИИ В КИРИЛЛИЧЕСКОЙ КНИЖНОСТИ XVI–XVII ВВ.

Смысловое единство сборника есть основная форма существования текста в литературе Древней Руси. Произведение в книге получает конвой¹ в виде других произведений, предисловий, послесловий, справочного аппарата, и т. д. Этот конвой, как хорошо показано в многочисленных работах отечественных медиевистов, в значительной степени определяет восприятие текста. Менее изучено влияние на читателя кодикологических особенностей сборника, хотя тип почерка, шрифт, особенности расположения текста, иллюстрации, формат, переплет и прочие формальные признаки, несомненно, имеют значение при чтении. Еще меньше мы знаем о таком характерном для средневековой литературы элементе конвоя, как маргиналии.

Под маргиналиями здесь понимаются тексты, вторичные по отношению к основному, обязанные ему своим происхождением и расположенные вне его строк, т.е. на полях, между строками и т.д. Маргиналии нередко contemporaneous основному тексту, создаются и / или тиражируются вместе с ним, то есть составляют с текстом некое единое целое. Это характерно для памятников, традиционно имеющих маргиналии: творений отцов церкви, полемических, исторических сочинений и, особенно, книг Священного Писания. Такие вторичные тексты, как правило, довольно обширны, хорошо организованы и соотносены с основным текстом.

Маргиналиям, несомненно, влияющим на восприятие основного текста, отражающим сам процесс восприятия, в отечественной историографии практически не уделялось внимания. Отечественные исследователи традиционно были сосредоточены на изучении вторичных текстов, относящихся к функционированию не основного текста, а кодекса в целом. Исследователей интересовали преимущественно разные типы *владельческих записей* (вкладные, купчие, запродажные, дарственные и др.), содержащих материа-

¹ См.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале древнерусской литературы X–XVII вв. М.: Л., 1962. С. 235.

лы о круге читательских интересов, истории изданий отдельных типографий (или, для рукописной книги, книжных центров) и истории отдельных кодексов, о ценах на книги, путях миграции книг, социальном составе читателей и т.п.²

Другие типы вторичных текстов практически не изучались, что отразилось в неразработанности методики их изучения и относящейся к таким текстам терминологии. Так, в научных описаниях маргиналии приводятся вне контекста, а чаще описываются суммарно и не приводятся вовсе. Единая терминология в отношении маргиналий не сложилась как в читательской среде, так и среди исследователей. Читатели называют свои дополнения *приписками*³, *подписками*⁴, *пометами* и *пометками*⁵, *обличениями*⁶; исследователи говорят о пометах, приписках, глоссах, инскрипциях, записях, надписях и маргиналиях.

Нередко в литературе термином «глосса» обозначается маргиналия, а не только приведение иноязычного соответствия. Пытаясь дать более точ-

² Библиографический обзор: *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 6–26. См. также некоторые не упомянутые в этом обзоре работы: *Гузнер И.А.* Записи XV–XVII вв. на книгах и рукописях собрания ГПНТБ СО АН СССР// Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 84–94; *Немировский Е.Л.* Читатель изданий Ивана Федорова. Опыт анализа владельческих записей// Федоровские чтения 1976. М., 1978. С. 61–62; *Поздеева И.В.* Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник// Федоровские чтения 1976. М., 1978. С. 40–54; *Галишев С.А.* Проблемы историографии записей на славяно-русских книгах кириллической традиции// Тезисы докладов научной конференции студентов и молодых ученых «Уральские археографические чтения» 25–27 апреля 1989 г. Свердловск, 1989. С. 39–41; *Киселева Л.И.* Корпус записей на старопечатных книгах. Вып. 1. Записи на книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII вв. СПб., 1992; *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.

³ Маргиналия, сделанная не позднее 1357 г.: «Приписал бы [...]». См.: *Столярова Л.В.* Свод записей ... С. 286. № 275; маргиналия XVII в.: «О сей красной приписке – вопросы». См.: *Автократова М.И., Долгова С.Р.* К истории издания и распространения первой московской Библии (Острожская Библия ЦГАДА – наборный экземпляр для Библии 1663 г.)// Федоровские чтения 1981. М., 1985. С. 170. Фотографическое воспроизведение листа с маргиналией см. здесь же, с. 168, ил. 35.

⁴ Маргиналия XVIII в.: «Отсуду зри назад от первой подписки 6 листов где крыж...». См.: РНБ. № 1.2.2в (Библия. Острог, 1581). Л. 108 об. перв. сч.

⁵ Просматривая Евангелие Учительное (Рохманов, 1619), игумен Никитского монастыря в Переяславле Залесском Афанасий Китайчик «в которых статиях ереси и погрешения и те статии подписывал, а которыя погрешительныя статии и з древними богословцы святыми отцы не согласны... пометки ставил». См.: Прение с «Евангелием Учительным» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого// *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 163, 371.

⁶ Симон Азарьин пишет на свободном листе принадлежащего ему списка Катехизиса Шимона Будного: «... в сей книги по полем наменены обличения на еретика скрытыя его зломышленные собрания». См.: *Опарина Т.А.* Иван Наседка ... С. 201.

ные термины, авторы научных работ добавляют к термину «глосса» различные определения. Эти определения учитывают содержание вторичных текстов, их функции и даже расположение. Глоссы, владельческие записи и другие вторичные тексты иногда смешивают с маргиналиями, поскольку те и другие обычно расположены на полях страниц: «Под глоссами мы будем понимать печатные комментарии и обозначения, вынесенные на поля книги, а под интерполяциями – толкования и комментарии внутри самого текста, а также глоссы, внесенные в текст ...»⁷.

Некоторые исследователи предлагают использовать по отношению ко всем вторичным текстам книги термин «надпись», тем самым уравнивая примечания на листах книги с текстами на различных предметах⁸. Наиболее полно этот термин охарактеризован в работе Л.В. Столяровой: «термином “надпись” обозначается любой текст, содержащийся в рукописи помимо основного и несущий информацию о самом кодексе, лицах, причастных к его созданию, сделках, объектом которых он был, смене владельцев, миграции, читателях, исторических событиях и прочем, вне зависимости от материала, орудий и средств для письма. Иными словами, надписи на книге – это оригинальные самостоятельные произведения, которые существуют в рукописи рядом с основным текстом»⁹.

Начало изучению вторичных текстов, которые мы называем маргинальными, в отечественной историографии было положено в рамках позитивистского подхода к источникам, когда главной задачей исследователя стало их введение в научный оборот, то есть первоначальное описание и публикация. В первую очередь были исследованы те корпуса маргиналий, которые признавались особенно ценными для науки. Характерно, что и в дальнейшем исследователи пошли по тому же пути, вместо системного подхода к данному материалу предлагая описания наиболее любопытных кодексов, отчего сведения, содержащиеся во всех таких работах, приобретали

⁷ Федоров В.В. Глоссы и интерполяции в «Потребнике иноческом» 1639 г. (к постановке вопроса о роли комментариев в старопечатных книгах)// Книга и мировая цивилизация. Материалы одиннадцатой международной научной конференции по проблемам книговедения. Москва, 20–21 апреля 2004 г. М., 2004. Т. 2. С. 93; Бовгиря А. Маргінальні записи українських рукописних збірників XVIII ст.// Україна в Центрально-Східній Європі. № 4. Кієв, 2004. С. 459–470.

⁸ См.: Лебедев А.Н. Надписи на старинных книгах// Книговедение. Ежемесячный библиографический журнал. Год 3. № 1–2. М., 1896; Зернова А. С. «Надписи на книгах московской печати XVI–XVII вв.»// Книга. Исследования и материалы 1961. № 62. М., 1962. С. 111–131; Лаврик Ю.Н. Белорусские книжные инскрипции XVI–XVII вв.// Книга и мировая цивилизация. Материалы одиннадцатой международной научной конференции по проблемам книговедения. Москва, 20–21 апреля 2004 г. М., 2004. Т. 2. С. 325–331.

⁹ Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 32.

отрывочный характер. Безусловно, и в настоящее время количество имеющихся в руках исследователя источников такого рода довольно мало, однако здесь все настоятельнее ощущается необходимость общей методики анализа и системных обобщений. Почти за полтора века на кириллических рукописных и старопечатных книгах выявлен ряд выдающихся корпусов маргиналий. Большая часть из них принадлежит западнорусской книжной традиции и датируется XVI–XVII вв. Позволим себе представить ниже обзор известных нам источников, сопроводив его кратким разбором библиографии.

Появление на Руси глоссированных и комментированных текстов, как правило, связано с влиянием других книжных традиций. Одной из самых древних можно считать талмудические способы расположения комментариев относительно текста. Структурными элементами Талмуда являются Мишна (обширный комментарий к Ветхому Завету) и Гемара (собрание толкований к трактатам Мишна). Эти комментарии иногда заполняли все четыре поля страницы. В христианскую эпоху появились подражания этой традиции.

Греческие и латинские тексты Библии с древности имели особые вспомогательные средства для самостоятельного и публичного чтения Священного Писания: глоссы, схолии и комментарии, катены, ономастиконы, обозначения церковных чтений. Эти средства были разработаны в разное время и в разных местах, они передавались из поколения в поколение, и с течением времени их объем вырастал. Большей частью такие средства имели вид маргиналий¹⁰.

В первоначальный период существования книжности на Руси маргинальный комментарий не был усвоен от византийцев или не получил широкого распространения. Однако и в дальнейшем системный маргинальный текст был чрезвычайно мало распространен в книжности Древней Руси, ориентировавшейся на специфически воспринятую византийскую книжность¹¹, в отличие от книжности южнославянской и западнорусской, находившихся под сильным влиянием католической, а позднее и протестантской книжных традиций.

Можно считать, что до XIV в. славянские книжники не знали маргинального комментария в том его виде, каким он был в западноевропейских рукописях. Тем не менее в славянских рукописях XI–XIII вв. этот комментарий присутствует, имея довольно ограниченную сферу употребления. Для богослужебных книг, и прежде всего Псалтыри и Евангелия, был характер-

¹⁰ См.: *Мецгер Брюс М.* Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М., 1996. С. 20–29.

¹¹ О специфическом восприятии византийской литературы см.: *Пиккио Р.* Древнерусская литература. М., 2002. С. 40–41.

рен комплекс маргиналий, образующий минимальный справочный аппарат к тексту. Это указания номеров стихов, параллельных мест, а также зачал. Сюда же следует отнести разметку текста для богослужения, выполненную традиционно в виде отдельных маргиналий, чаще всего киноварных.

Традиция толковых маргиналий также очень рано пришла на Русь. Одним из ее характерных представителей можно считать маргиналии гадательной Псалтыри, которые в рукописи либо помещались внизу или сбоку, на полях, либо добавлялись в форме специальных толковательных примечаний. Впрочем, в связи с тем, что церковь рассматривала такое гадание как грех и ересь, гадательные маргиналии на полях рукописей нередко зачеркивались или стирались¹².

Толковые маргиналии и целостный маргинальный комментарий следовало бы искать еще в самых ранних славянских списках так называемых «толковых» редакций Священного Писания, в которых тексты ветхозаветных произведений, преимущественно пророческих, сопровождаются толкованиями, составленными раннехристианскими и византийскими богословами. Такие произведения появляются начиная с первых веков христианства. Однако в славянской книжной традиции толкования обычно вносились в основной текст и составляли с ним единое целое, тогда как в латинских рукописях такие толкования располагались на полях, обрамляя основной текст. Отсюда в западноевропейской книжности появляется термин «маргиналия» (от лат. *margo* – «край», *marginalis* – «находящийся на краю»)¹³, русская же книжность не имеет в нем необходимости.

В эпоху второго южнославянского влияния на Руси в большом количестве появляются болгарские и сербские рукописи, помимо других особенностей нередко содержащие обширный корпус маргинальных текстов. Русские книжники воспринимают эти рукописи как авторитетные, а маргиналии на их листах как норму, стремятся подражать этой манере, усваивают различные способы привязки маргиналий к основному тексту¹⁴. При этом маргиналии часто воспринимались древнерусскими книжниками как основной текст, и поэтому при переписке растворялись в нем, теряя свою структурную и смысловую выделенность.

Ярким примером можно считать бытование на Руси произведений псевдо-Дионисия Ареопагита (V–начало VI в.). Известно, что труд псевдо-

¹² См.: Истрин В.М. К вопросу о гадательных псалтирях. Одесса, 1901. С. 11; Мещерский М.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. Л., 1978. С. 45–46.

¹³ См.: Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 333.

¹⁴ См.: Кудрявцев С.А. Знаки сноски читателей Острожской Библии // Уральский археографический альманах. Вып. 1. Екатеринбург, 2005. (В печати).

Дионисия очень рано был дополнен «детальным богословски-философским комментарием видного религиозного мыслителя Максима Исповедника (ок. 580–662 гг.), который старался адаптировать и подправить Ареопажита, дабы сделать из него безупречное звено в цепи патристических достижений христианской мысли»¹⁵.

Комментарий представлял собой обширную и сложно организованную систему маргиналий, как это видно по текстам бытовавших на Руси греческих и сербских списков¹⁶. Церковнославянский перевод афонского инока Исая, представлявший Ареопажитики в русской рукописной традиции, обозначал тексты трактатов и посланий псевдо-Дионисия как «сущее», а комментарий, составленный Максимом Исповедником как «толкования». Исследователи считают традицию маргиналий подвижным элементом Ареопажитик, поскольку сложность самого текста Дионисия заставляла переписчика сравнивать извод с другими рукописями, править, а иногда и вставлять свои собственные толкования внутри ячеек традиционной сетки «сущего» и «толкования»¹⁷. Для более поздних списков, отражающих уже русскую рукописную традицию, характерна интерполяция маргиналий в основной текст памятника.

Русская рукописная традиция корпуса маргиналий Максима Исповедника практически не изучена. Только в двух последних изданиях сочинения псевдо-Дионисия опубликованы в том виде, в каком существовали на Руси, то есть вместе с маргиналиями¹⁸. В работах В.В. Иткина, специально посвященных текстологии русских Ареопажитик, в составе описания рукописей публикуются полные корпуса маргиналий¹⁹. Каждая маргиналия представлена здесь вместе с фрагментом соответствующего ей основного текста, указаны места расположения маргиналий: листы рукописи и разделы основного текста. Кроме того, весь корпус маргиналий разделен на хронологические пласты (маргиналии современные основному тексту и позднейшие), а

¹⁵ Макаров А.И. Неоднозначность религиозно-философских оснований Ареопажитик в связи с некоторыми особенностями идейной жизни средневековой Европы и Руси // Макаров А.И., Мильков В.В., Смирнова А.А. Древнерусские Ареопажитики. Серия «Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты». Вып. 3 (1). М., 2002. С. 36.

¹⁶ РНБ. Собр. Гилфердинга, № 46 (XIV в.); ГИМ. Воскресенское собр., № 75, 76 (кон. XIV – нач. XV вв.). См.: Ареопажитики: древнерусская традиция бытования // Макаров А.И., Мильков В.В., Смирнова А.А. Древнерусские Ареопажитики... С. 15.

¹⁷ Иткин В.В. Корпус сочинений Дионисия Ареопажита по списку Красноярского собрания ГПНТБ СО РАН // Книга и литература. Новосибирск, 1997. С. 111.

¹⁸ Дионисий Ареопажит. О Божественных именах. О мистическом богословии. Издание подготовлено Г.М. Прохоровым. СПб., 1994; Макаров А.И., Мильков В.В., Смирнова А.А. Древнерусские Ареопажитики...

¹⁹ См. например: Иткин В.В. Корпус сочинений Дионисия Ареопажита ... С. 116–121.

также по почеркам. Скрупулезно передана орфография маргиналий. В целом, это образец археографического и текстологического исследования маргиналий на одном из списков. Других аспектов изучения этого материала исследователь не затрагивает.

В конце XV в. в Новгороде был составлен первый полный русский свод библейских книг, известный под названием Геннадиевской Библии (ГБ). В качестве образца была принята латинская Вульгата, что предопределило не только специфику перевода, деление текста на главы и порядок расположения книг, но и наличие типичного латинского маргинального комментария. Следует сказать, что этот комментарий в ГБ очень невелик, и большей частью он полностью следует за своими латинскими источниками. Установлению этих источников посвящено много работ, решающее значение из которых имеет исследование В.А. Ромодановской²⁰. Ею установлено, что всего в процессе перевода библейских книг с Вульгаты было создано 83 маргиналии, которые сохранились в 11 рукописях, атрибутированных геннадиевскому кружку. Маргиналии имеют своим основным источником толкования на библейский текст католического богослова Николая де Лиры «*Postilla litteralis super Bibliam*». Также привлекались сочинение францисканца Иоганна Мархисена «*Mammotrectus super Bibliam*» и «*Vocabularius breviloquus*» Иоганна Рейхлина. Все маргиналии разделены исследовательницей на четыре группы: «лексикографические глоссы», «вариативные глоссы», «отсылочные глоссы» и «энциклопедические глоссы». Каждая маргиналия дана в строке таблицы, в первой колонке которой помещен латинский перевод библейского текста с указанием книги, главы и стиха, и латинская глосса к нему. Во второй помещен фрагмент текста ГБ и под ним маргиналия на церковнославянском языке, в третьей дан перевод латинского оригинала. Между строк таблицы располагаются необходимые текстологические и лингвистические комментарии. Исследование В.А. Ромодановской представляет собой первый в отечественной историографии комплексный анализ маргинального комментария на всех известных списках рукописного памятника и во всех своих частях может быть признано образцовым.

До второй половины XVI в. русская рукописная и печатная традиция не располагала новыми значительными памятниками маргинального жанра. В московских кириллических изданиях этого времени маргиналии довольно редки. Однако целый ряд таких памятников появляется в московской Руси

²⁰ См.: Ромодановская В.А. Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии// ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 138–167; Она же. Геннадиевская Библия 1499 г. в русской рукописной традиции XV–XVII вв. (латинские источники). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб., 1999.

в связи с усилившимися религиозными спорами, появлением реформационных идей и устойчивым влиянием западнорусской литературной традиции. Корпусы маргиналий в это время, как правило, представляют собой полемические комментарии на листах особенно авторитетных книг, в первую очередь Священного Писания. В конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в. созданы заметки Матвея Башкина на принадлежавшем ему Апостоле. В 70-х гг. XVI в. создается так называемый Креховский Апостол, на полях которого встречается три рода маргиналий: во-первых, сделанные той же рукой, какой написан текст перевода, и, вероятно, единовременные ему; во-вторых, сделанные той же рукой, но несколько позднее; в-третьих, сделанные каким-то читателем-антигтринитарием. Креховский Апостол и его маргиналии подробно изучены И. Огиенко²¹.

Также довольно примечательными являются русские переводы творений Иоанна Златоуста и Иоанна Дамаскина, сделанные в это время в Литве князем А.М. Курбским. Эти переводы сопровождают многочисленные маргинальные примечания. Князь Курбский называет свои маргиналии «сказами» и включает в них богословский и реальный комментарий к тексту, обращения к читателю, собственные рассуждения и многочисленные глоссы. Единственными работами об этих маргиналиях можно считать труды А.С. Архангельского²², который в первой работе выборочно, а затем полностью публикует маргиналии Курбского. Тексты их даются в строку, обязательно приводится фрагмент основного текста памятника, к которому сделано примечание. Общая их характеристика такова: «Многие из этих «сказов» весьма любопытны; они показывают не только широкое и многостороннее образование самого Курбского, но – что особенно важно – и его необыкновенную предупредительность к своим будущим читателям, теплую, сердечную заботливость о возможно большем «вырозумении» ими предлагаемого чтения»²³. Из нескольких сотен глосс исследователь фактически составил словарь, не указав, однако, принципы глоссировки у Курбского и только отметив, что эти «толкования отдельных слов и выражений... являются в высшей степени драгоценным материалом для истории языка»²⁴. В целом, приведение текста маргиналий здесь не сопровождается каким-либо анализом.

²¹ Огиенко І. Українська літературна мова XVI-го ст. і українськи Крехівський апостол 1560-х рр. Варшава, 1930. Т. 2. С. 144–211.

²² Архангельский А.С. Творения отцов церкви в древне-русской письменности// ЖМНП. СПб., 1888. Июль. Отд. 2. С. 1–49, 258–273; Он же. Очерки из истории западно-русской литературы XVI–XVII вв. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI–перв. пол. XVII в.// ЧОИДР. М., 1888. Т. 2. С. 3–154.

²³ Архангельский А.С. Творения отцов церкви ... С. 262.

²⁴ Там же.

Важность этой публикации заключается в том, что впервые была полностью введена в научный оборот система маргиналий, очень характерная для среды западнорусских интеллектуалов конца XVI–первой половины XVII вв. Церковнославянский язык маргиналий показывает русское происхождение их автора, а также, в условиях Западной Руси, его ученость. К сожалению, эти материалы в работах А.С. Архангельского никак не были востребованы позднейшими исследователями.

Во второй половине XVI в. стали появляться польские печатные переводы библейских книг в протестантских и католических изводах. Польские издания ориентировались на западноевропейский тип книги: с посвящением меценату, его гербом и стихами на герб, с обширным предисловием, хорошим справочным аппаратом и почти всегда – с системой маргинальных примечаний. Как указывает А.В. Флоровский, при широком влиянии польской литературы и языка в восточнославянской среде в это время пользование этими изданиями могло быть очень сподручно²⁵.

Польские издания стали для славянских публицистов и типографов не менее авторитетным образцом, чем книги Ветхого и Нового Заветов, изданные Франциском Скориной. Помимо обширных оригинальных предисловий, немалый интерес представляют глоссы, делаемые на полях издателем. Как установил А.Е. Виктор, исследовавший и опубликовавший глоссы Псалтыри (Прага, 1517 г.), глоссы принадлежали отчасти самому издателю, отчасти сделаны по Вульгате²⁶. Кроме глосс, книги Скорины содержат обширный справочный аппарат, состоящий из указаний на параллельные места Библии и выполненный в виде маргиналий.

Западнорусские книжники, вероятно, ориентировались на традицию современных им изданий полемических и библейских текстов на польском и латинском языках, почти неизменно содержащих маргинальные комментарии. Это доказывают печатные маргиналии на полях полемического сочинения Герасима Даниловича Смотрицкого «Ключ царства небесного» (Острог, 1587 г.)²⁷, созданные одновременно с текстом памятника и, несомненно, составляющие с ним единое целое. Герасим Данилович строит свой текст сразу на двух уровнях. На первом уровне – «сущее», основной текст трактата. Для усиления воздействия своего сочинения автор вводит уровень «тол-

²⁵ Флоровский А.В. Чешская библия в истории русской культуры и письменности. // Sbornik filologicky, 1946. Т. XII. С. 227.

²⁶ См.: Виктор А.Е. Замечательное открытие в древне-русском книжном мире (Первая книга, напечатанная др-ром Фр. Скориной) // Беседы в Обществе любителей российской словесности, 1867. Т. I. С. 8–9.

²⁷ Фототипически воспроизведено в изд.: Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог. М., 2003. Кн. 2. № 104. С. 748. Рис. 104.1–104.23.

кований» – размещает на поле собственные объясняющие маргиналии, что характерно, на «простой мове», языке разговорном и использовавшемся для написания полемических сочинений. Некоторые комментарии стихотворны. К тексту «Бог Кгреком и Руси все отнял, не мают а ни памяти, абы умети Отче Наш и веру в Бога. А ни Розуму абы збавленные речи бачити, а ни доброе воли, же бы добре житии. И далеи писал як ему Шатан казал. А на краю доложил русское глупство и блуды» есть примечание на поле: «И тут не ведати што бы то было занaproцено. Коли хто сам блудит, да инших за собою лудит. Плохое хвалячи, доброе гудит»²⁸.

Маргиналии Герасима Даниловича можно считать первым печатным маргинальным комментарием в среде славянских книжников. К сожалению, эти маргиналии никак не упомянуты в исследовательской литературе.

Продолжением этой традиции является издание Нового Завета с Псалтырю (Евье, 1611 г.), подготовленное членами Виленского Свято-Духовского братства. Редакторы разместили на полях издания комментариев в виде сотен печатных примечаний на «простой мове». Комментарий включает глоссы, выделенные специальными условными знаками (теми же, что и в Острожской Библии 1581 г.), обращения типа «Зри», краткий пересказ содержания глав (к тексту Мф. 1. 1 «Книга родства Иисуса Христова, сына Давидова, сына Авраамля. Авраам роди Исаака. Исаак же роди Иякова. Ияков же роди Иуду и братию его. Иуда же роди Фареса и Зара от Фамары» сделана маргиналия: «Евангелист выводечы линию рожаю, с которою Христос ведлуг тела пошол, свое евангелие зачынает. Фарес значыт разделение, Зара – восхождение»²⁹), указания параллельных мест. Маргиналии отделены от основного текста прямоугольной рамкой. В 1652 г. в Кутеине, в типографии Богоявленского монастыря, вышло издание Нового Завета с Псалтырю, редакционно восходящее к Евьинскому. Маргинальный комментарий был сохранен и даже дополнен обширными указаниями параллельных мест. Этому комментарию, как и его переизданию, не посвящено специальных исследований.

Печатные издания способствовали закреплению маргиналий в славянской книжной традиции. Можно предположить, что они стали наиболее авторитетным образцом работы с текстом для многих читателей и создателей книг. Известно, что появление печатной книги в монастырях оказало существенное влияние, как на расширение книжных собраний, так и на развитие книгописания и оформление книги. Печатная книга нередко была оригиналом для рукописей в текстологическом и палеографическом аспектах. В

²⁸ *Смотрицкий, Герасим.* Ключ царства небесного. Острог, 1587. С. [8].

²⁹ Новый Завет с Псалтырю. Евье, 1611. Л. 5 втор. сч.

ряде рукописей Соловецкого монастыря художники XVII в. включали почти без изменения в качестве украшений рисованные заставки и концовки старопечатного стиля³⁰. Известно также, что в русских монастырях хранились и читались запрещенные книги, принадлежащие к западнорусской и латинской книжной традициям³¹. XVI–XVII вв. стали временем, в которое маргиналии были особенно популярны, причем, вероятно, московская Русь усваивала этот прием работы с текстом от западнорусских книжников.

Древнерусские рукописи XVII в., созданные лучшими книжниками, показывают, что в XVII в. маргиналии стали обычным элементом книги. В основном, русские маргиналии представляют собой справочный аппарат: ссылки на источники и указания параллельных мест. Другим распространенным типом русской маргиналии стала глосса. Несколько реже русские маргиналии представляют собой толкования, однако объем этих толкований, как правило, минимален. Характерно, что наиболее выдающиеся русские книжники, как и книжники Западной Руси, обычно сочетали маргиналии с целой системой дополнений в редактируемый сборник: писались специальные предисловия, составлялись указатели, добавлялся иллюстративный материал.

Характерным образцом такой редакторской работы можно считать деятельность Соловецкого книжника Сергия Шелонина, без учета которой, как оказалось, невозможно изучать книжный процесс XVII в.³². «Старец Сергей никогда не выполнял в Соловецком монастыре обязанности переписчика, скорее, под его началом работало несколько писцов. После переписки книг Сергей, как правило, тщательно проверял их: исправлял грамматические ошибки, правил стиль, проставлял глоссы к иноязычной лексике, вклеивал листы с новыми текстами или вариантами, составлял оглавления и тематические указатели в алфавитном порядке. Но главное, что позволяет безошибочно выявлять книги, над которыми работал Сергей, – это его маргиналии, почти сплошь покрывающие поля рукописей. Маргиналии Соловецкого книжника выполнены всегда ювелирно (тонким пером) и однотипно – по образцу принятых в печатных изданиях XVII в. сносок. Маргиналии Сергия – это ссылки на цитируемые источники и параллельные места из Библии, сочинений отцов церкви и других авторитетных авторов. Все ссылки Сергия очень точные, в них указывается имя автора, название книги и зачалю.

³⁰ См.: Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. С. 183–184.

³¹ См.: Опарина Т.А. «Книги литовской печати» в «спецхране» Московского Кремля// Славяноведение, 2002, № 2. С. 140–148.

³² См.: Сапожникова О.С. Соловецкий книжник Сергей Шелонин (Краткий обзор деятельности)// ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 377.

Если какое-либо сочинение было известно книжнику в издании украинском, белорусском, московском <...>, то он ссылался на печатное издание, порой с указанием его листов»³³.

Как указывает архимандрит Макарий, «7 марта 1669 г. монахи собрали более 200 богослужебных книг, изорвали и потопили в море, а другая сожгли, на оставшихся старописанных и печатных они сделали раскольнических приписки и исправления, как например в книге Катехизис, в Круге миротворном, Феодоритовом слове и проч. И мало осталось святых книг, где бы не было сделано мятежниками приписок»³⁴. Этот факт позволяет предположить, что во второй половине XVI в. на Соловках имела устойчивая традиция полемических маргиналий.

В московских изданиях XVII в. также обычен краткий маргинальный комментарий. В качестве примера можно указать на маргиналии Требника 1639 г., которые, как установил В. В. Федоров, введены для облегчения восприятия текста и могут служить иллюстрацией развития справочного аппарата книги³⁵, а также маргиналии первой печатной московской Библии 1663 г., где указания параллельных мест частично заимствованы из Острожского издания 1581 г.

Выход в свет в 1581 г. Острожской Библии (ОБ) стал одним из благоприятных факторов для развития традиции маргинального комментария. ОБ имеет справочный аппарат в виде ссылок на параллельные места, напечатанный мелким шрифтом на боковых полях страниц и привязанный к основному тексту системой знаков сноски. Эти маргиналии послужили для многочисленных читателей книги образцом работы с библейским текстом. На десятках экземпляров книги появились маргиналии, содержащие не только указания параллельных мест, но и глоссы, полемические высказывания, эмоциональные восклицания, историко-грамматический и символично-аллегорический комментарий. Источники этих маргиналий довольно многочисленны: это труды отцов церкви (Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Дионисия Ареопажита), другие издания и рукописные тексты Библии на различных языках, прежде всего на польском, греческом и латинском, исторические сочинения (Шестоднев, Палей, Хронограф, История Иудейской войны Иосифа Флавия), полемическая литература Западной Руси (тексты Ивана Вишенского, Герасима Смотрицкого, Захария Копыстенского), лексиконы и азбуковники.

Сегодня количество экземпляров ОБ, имеющих читательский маргинальный комментарий, исчисляется десятками, из них некоторые представляют для исследователя особенный интерес.

³³ Там же. С. 379.; Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки ... С. 100–101.

³⁴ История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 102–103.

³⁵ См.: Федоров В.В. Глоссы и интерполяции в «Потребнике иноческом» ... С. 92–94.

В 1905 г. была опубликована статья хранителя Волынского епархиального древлехранилища и действительного члена Исторического общества Нестора-летописца (г. Киев) О.А. Фотинского³⁶. Материалом послужила довольно объемная система западнорусских маргиналий 20-х гг. XVII в. на экземпляре ОБ из фондов ВЕД. Значительный объем корпуса маргиналий и их разнообразие («Библия давала более всего материала для сопоставлений и заметок характера религиозного, хотя рядом с этим попадаются заметки характера политического, смешанного религиозно-политического и, наконец, бытовые»³⁷) определили подход О.А. Фотинского. Им избирается одна и самая значительная тема маргиналий – религиозная полемика и связанный с этой темой вопрос о конфессиональной и национальной принадлежности автора. В результате исследователь, стремясь изложить идеи одного из владельцев книги, «из массы однородных приписок выбирал одну-две наиболее типичных по данному вопросу, опуская прочия» и «не коснулся вовсе приписок других позднейших владельцев книги»³⁸. Из около 1100 маргиналий было опубликовано 77, и, приведенные в определенный порядок, они составляют основное содержание статьи. Тексты воспроизводились с соблюдением орфографии подлинника, при этом раскрывались титла и использовалась современная пунктуация. Вместе с маргиналиями приводились тексты ОБ, иногда заменявшиеся пересказом. Существенным недостатком публикации нужно признать полное отсутствие ссылок на листы книги, с которых взяты маргиналии. Однако, огромная важность работы О.А. Фотинского заключается в попытке показать целостность корпуса маргиналий как единого памятника, имеющего особую достоверность: «Особенную ценность придает рассматриваемому памятнику его происхождение. Это случайные заметки для памяти, авторы которых не имели в виду, что записки их попадут в чьи-либо иные руки, а потому не старались ни о выправке языка и стиля, ни о маскировании своих идей, столь обычных и неприятных для историка чертах, характеризующих заказные мемуары и предназначенные для публики сочинения»³⁹. Рассмотренная статья на сегодняшний день остается единственной, с такой полнотой и степенью владения материалом описывающей маргиналии на данном экземпляре ОБ⁴⁰.

³⁶ *Фотинский О.А.* Волынский религиозный вольнодумец XVII в. // ЧИОНЛ. 1905. Кн. 18. Вып. 3–4. Отд. II. С. 71–102.

³⁷ Там же. С. 71.

³⁸ Там же. С. 101.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Другие публикации об этом экз.: *Каманин И.М.* Заметки на полях Острожской Библии 1581 г. ее читателей XVII в. // ЧИОНЛ, 1911. Кн. 22. Вып. 1–2. С. 14–16; *Перетц В.Н.* Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Житомир 21–26 октября 1910 года. Киев, 1911. С. 49–51 (публикация А. А. Назаревского); *Немировский Е.Л.* Читатель изданий Ивана

Подход О.А. Фотинского к маргиналиям, ограниченность которого признавалась самим автором, надолго закрепился в нашей науке. Впоследствии ту же методику анализа применяли советские исследователи для анализа маргиналий на других экземплярах ОБ. В таких работах часто доказывалось вольнодумство и еретичество авторов маргиналий, а опубликованные выборы стали еще менее представительными.

В 1979 г. археографической экспедицией Уральского госуниверситета был приобретен еще один экземпляр ОБ, содержащий обширную систему маргиналий. Как и маргиналиям Волинского вольнодумца, вторичным текстам этой книги посвящен ряд исследований. Основной работой среди них стала завершенная в 1982 г. статья Р.Г. Пихои⁴¹. Исследователь выделил два основных почерка, которыми были сделаны маргиналии, и датировал их концом XVI–началом XVII в. Анализ языковых особенностей этих текстов, а главное, их содержания, показал, что основной комментарий написан на территории Западной Руси выходцем из Руси Московской, возможно, кем-то из окружения князя Курбского. Исследователь попытался классифицировать маргиналии и выделить среди них основные темы. Как и О.А. Фотинский, Р.Г. Пихоя публиковал маргиналии выборочно, иногда без приведения соответствующего им текста ОБ, и даже иногда без ссылок на листы. Графические особенности маргиналий в этой и других работах Р.Г. Пихои, посвященных маргиналиям, не воспроизводились. Выборочная публикация (и прочтение) маргиналий привели к появлению ряда досадных ошибок. Так, например, исследователь не обнаружил в этих текстах ни одного упоминания о Троице, что послужило одним из оснований для заключения о бесспорном вольнодумстве автора маргиналий. По нашим сведениям, в текстах этого «вольнодумца» имеется несколько упоминаний о Троице (напр. л. 5 и 7 перв. сч.), причем эти упоминания вполне ортодоксальны. В целом, делая заключение об исследовании Р.Г. Пихои, нужно сказать, что ъего несомненным достоинством является введение маргиналий на экземпляре УрГУ в научный оборот, однако из этой же работы становится очевидным, что методика, использованная еще О.А. Фотинским, все-таки мало пригодна для системного исследования маргиналий.

Федорова ... С. 61–62; Мицко І.Є. Ідеологічна боротьба на Україні в XVII ст. і формування та склад бібліотек// Бібліографічна інформація і сучасність. Київ, 1981. С. 102–111; Апанович Е.М. Полемические записи на полях харьковского экземпляра Острожской Библии// Федоровские чтения 1981. М., 1985. С. 172–178; Лосиевский И.Я. Первопечатные отечественные издания в харьковских коллекциях. Сводный каталог. Ч. 1. Харьков, 1987. С. 31–33; Флоря Б.Н. Записи православного жителя Речи Посполитой о событиях смуты в русском государстве// Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003. С. 282–288.

⁴¹ См.: Пихоя Р.Г. Приписки конца XVI в. на листах Острожской Библии из собрания Уральского государственного университета// Федоровские чтения 1982. М., 1987. С. 21–33.

После публикации Р.Г. Пихои, которая стала широко известна в кругу исследователей изданий Ивана Федорова, появляется ряд подобных же публикаций. В 1981 г. с продолжением исследования записей Волынского вольнодумца выступила Е.М. Апанович⁴², в 1985 г. напечатано исследование Е.Л. Немировского о рукописных добавлениях, маргиналиях и миниатюрах в экземпляре из фондов РГБ⁴³. Основное внимание в публикации уделено рукописным предисловиям, маргиналии на листах данного экземпляра практически не исследованы.

К этой же традиции следует отнести небольшое сообщение М.В. Кукушкиной о маргиналиях на экземпляре из фондов ОР БАН⁴⁴. В 2003 г. Б.Н. Флоря снова напомнил исследователям о записях Волынского вольнодумца. Материал для этой заметки дала публикация О.А. Фотинского⁴⁵.

Таким образом, в русской и украинско-белорусской книжности XVI–XVII вв. читательские маргиналии были обычным явлением. Сложившаяся к этому периоду типология маргиналий отражает большие навыки книжников в работе с текстом. Кодикологически и содержательно эти тексты позднего средневековья не изучены, они отличаются от прочих вторичных текстов (например, надписей периода XI–XIV вв.) объемом, функциональностью и особенностями расположения на странице, хотя в это время широко применяются и те типы вторичных текстов, которые имелись еще на древнейших славянских кодексах. Так, широко распространенные эмоциональные восклицания читателей, вызванные прочитанным, имеют ту же форму «Ох!», что и многие древнейшие русские эмоциональные надписи писцов⁴⁶. Важнейшими элементами славянских маргинальных текстов в XVI–XVII вв. следует признать те же самые элементы маргинального комментария, которые были характерны для западноевропейского раннего средневековья.

⁴² См.: Апанович Е.М. Полемиические записи на полях харьковского экземпляра Острожской Библии ...

⁴³ См.: Немировский Е.Л. Иллюминированный экземпляр Острожской Библии 1581 г. с рукописными дополнениями// ТОДРЛ. Т. 38. Л., 1985. С. 439–450.

⁴⁴ См.: Кукушкина М. В. Книга в России в XVI веке. СПб., 1999. С. 12, 171–173.

⁴⁵ Флоря Б.Н. Записи православного жителя Речи Посполитой ...

⁴⁶ См.: Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков ... С. 10–11, № 1–3 (XI в.); С. 59, № 53 (кон. XI–нач. XII в.); С. 64, № 62 (кон. XI–нач. XII в.); С. 163, № 133 (перв. пол. XIII в.); С. 192, № 170 (здесь и далее – XIV в.); С. 200, № 182; С. 215, № 201; С. 223, № 215; С. 225, № 221; С. 306–307, № 298–299; С. 311, № 303; С. 407, № 445.